

Эдвард Радзинский

Старая актриса на роль жены Достоевского

*Часть сборника
Пьесы*

Эдвард Радзинский

**Старая актриса на роль
жены Достоевского**

«АСТ»

1984

Радзинский Э. С.

Старая актриса на роль жены Достоевского / Э. С. Радзинский —
«АСТ», 1984

ISBN 978-5-457-20769-1

«Сколько я звонил тебе за эти годы - сколько унижался?.. Ах, сыграйте в моем фильме "Чайковский". Хо-хо! Узнала? По-моему, ты потрясена, карга? Тогда - тысяча пардонов! Но у меня не было выхода: ты должна была сыграть в моем гениальном фильме - про Федю Достоевского!..»

ISBN 978-5-457-20769-1

© Радзинский Э. С., 1984
© АСТ, 1984

Эдвард Станиславович Радзинский

Старая актриса на роль жены Достоевского

«... Мне 19 лет, я сижу в грим-уборной, сзади ко мне подходит актер – великий Ленский. Он берет кисточку, делает несколько мазков на моем лице – и в зеркале, на глазах, я становлюсь старухой!

Я плачу! Я не хочу!..»

(Из театральных мемуаров.)

Дом инвалидов и престарелых в старинном особняке. В маленькой гостиной с лепным потолком – мебель разных эпох, старинные кресла красного дерева, современный дешевый журнальный столик с телефоном и царственный диван карельской березы – с бронзовыми инкрустациями, львиными головами. Рядом с диваном – эмалированное ведро с надписью «Хлорка» и половая щетка. В другом углу гостиной – крохотная эстрада со старым роялем. На стенах – портреты Пушкина, Толстого, Чайковского вместе с медицинскими плакатами о борьбе с гриппом и кишечными заболеваниями. К стене прислонен огромный фанерный щит с надписью: «А еще я люблю жизнь за то, что в ней можно путешествовать. Пржевальский». (Щит стоял прежде в городском саду, и как-то на зиму его перенесли в гостиную – и здесь забыли.) В гостиной тишина – и никого. Потом раздается скрип отворяемой двери и появляется Старая актриса. Она входит с книгой в руках, останавливается и с любопытством оглядывает гостиную. Прочитав слова Пржевальского на щите, Она радостно хохочет. Смех у нее какой-то заразительный, прелестно молодой... Продолжая смеяться, Старая актриса направляется к эстраде с роялем... Она чуть пританцовывает и даже напевает: «Мы были на бале... на бале... на бале...»

Голос (*будто из-под земли, гнусава*). «И с бала нас прогнали...»

Она замирает, прислушивается, но в комнате тишина.

Она (*поняв, что все это почудилось*). «Мы были на бале, на бале... на бале...»

Голос (*оглушительно через мегафон*). «И с бала нас прогнали!.. Прогнали... Прогнали!..»

Она (*оглядывая пустую комнату*). Вы где? **Голос** (*интимно, громким шепотом через мегафон*). Я – у себя.

Поняв, что голос звучит из-под дивана, Она направляется туда.

(*Вопит через мегафон.*) Ни с места!

Она испуганно останавливается.

Санитарная зона – видишь, ведро с хлоркой? Специально протирают вокруг меня! Хо-хо-хо... Испугалась? Небось подумала: трубный глас с того света?.. А это я мегафон стащил из комнаты здоровья. Теперь удобно разговаривать: тут три четверти населения – глухие как тетерева! Кстати, старуха, ты очень глухая?

Она. Слава Богу, судьба милостива... И я отчетливо слышу ваш противный голос из-под дивана... Кстати, а что вы делаете под диваном?

Голос. Я там живу.

Она. То есть как?

Голос. То есть так!

Она. Внизу... живете?!

Голос. А ты наверху живешь... Тебе что, лучше?..

Она. Ха-ха-ха!.. Ну, все-таки внизу... там ползает... разное...

Голос. А наверху – не ползает?

Она. Как забавно!.. И что же... вы... там... весь день проводите? Или все-таки выходите на прогулку... на воздух?..

Голос. Эх, старуха-старуха... У нас с тобой теперь прогулка одна – там на воздухе належимся... И вообще, знаешь, сколько я наглотался за жизнь этого треклятого воздуха? Теперь лежу и от вашего чертова воздуха отдыхаю... Хо-хо-хо!..

Она (*стараясь весело*). Ха-ха-ха!

Голос. А ты, видать, спортивная старуха... Как зашла – слышу: шасть к словам Пржевальского!.. И похохатываешь – смешно читать призыв к путешествиям в Доме для инвалидов и престарелых? (*Таинственно*.) Неужели ты не поняла, курица, о каком путешествии речь? О самом быстром и самом надежном: утром обедаешь с родственниками, а ужинаешь – с предками! Хо-хо-хо!

Она. Ха-ха-ха...

Голос. А у самой поджилки трясутся? А я, грешник, люблю кладбищенский юмор. Я, когда почтальоном работал, сам придумал себе надпись на могилке: «Ушел, не оставив адреса». Хо-хо-хо!

Она. Ха-ха-ха!

Голос. Ну а ты?.. (*Задыхаясь от смеха*.) Что напишешь на своей?

Она. Одно слово: «Занято...» Ха-ха-ха! Вот так, почтальон под диваном!

Голос. Нет! Нет! Это прежде я был почтальон. А теперь я живописец, гений!

Она хохочет.

Ты что-то задерживаешься, хохотливая старуха. Обычно заговоришь с вашей сестрой с кладбищенским юмором, и она тут же ноги в руки – и пулей освобождает мне жизненное пространство.

Она. Зачем вам столько пространства... если вы – под диваном?

Голос. Видишь ли, старуха, я – философ.

Она. Как? И почтальон, и живописец, и философ? Я встретила Леонардо да Винчи!.. Ха-ха-ха!

Голос. Поостри, карга!.. Ты еще не знаешь, кого ты встретила! Сколько усилий я потратил, чтобы тут одному в покое философствовать? Я, как прибыл сюда, сначала залег в туалете! За унитаз ухватился, чтобы не оттащили! И лежу себе в туалетной тиши и мыслю: проблемы сплошь мировые – вечная жизнь, добро и зло, Великий инквизитор. Ан нет, каждую секунду в дверь рвутся! Им плевать, что там философствует живописец и гений! Им... им...

Она. Писать надо! Ха-ха-ха!

Голос. Ну, кайф! Даешь, старуха! И пополз я прочь из туалета открывать новые территории! И наполз я на эту гостиную. Ах, как тут мне понравилось! Деревья в окне! Лежи себе под диваном – размышляй! Ан опять нельзя – все время топчется здесь разное вредное старичье вроде тебя... Хо-хо-хо!

Она. Ха-ха-ха... Какой вы...

Голос. Какой я?

Она. Сукин сын, однако!

Голос. Но я научился с вами управляться... Ты про меня еще ничего не знаешь – ты ведь новенькая?

Она. Ха-ха-ха... Так обо мне говорили только в школе... Вернулось детство!.. Действительно новенькая... Я час назад сюда приехала... и вышла из своей комнаты – погулять... Ну, пошла по коридору... и в общем... Ну... как бы точнее сказать...

Голос. Забыла номер своей комнаты! Хо-хо-хо! Заблудилась!

Она. Ха-ха-ха... Как вы догадались? Это так смешно – тут все оказалось одинаковое: комнаты, старушки. Я уже битый час хожу... Ха-ха... Ищу.

Голос. А санитарку спросить стесняешься!

Она. Ага, решит, что я совсем «ку-ку», ха-ха! И вообще, я все должна делать сама! Надо, друг мой, не давать себе спуска!.. А как вы догадались?

Голос. Я – гений! Номер твоей комнаты – двадцать один.

Она (*сразу подозрительно*). Откуда вы знаете номер моей комнаты?

Голос. Если человек под диваном – он и знать ничего не должен? (*Свистящим оглушительным шепотом.*) Мыслящая курица мне все сообщает: кто новенький приехал, кто старенький помер. На случай, если живые новенькие ко мне забредут. (*Громким шепотом.*) Думаешь, ты одна свою комнату ищешь? Это с вашей сестрой через раз случается! Вот мыслящая курица и просит – чтобы я вас всех гнал отсюда по вашим номерам. (*Хохочет.*)

Она. «Как чуден Божий мир, как Божий мир прекрасен...» Какой приятный персонаж – «мыслящая курица».

Голос. А я всех баб «мыслящими курицами» зову. Хотя курицы бывают разные... Вредные, вроде тебя, думать мне мешают – их под нож нужно! А санитарка – полезная «мыслящая кура»: она вокруг дивана хлоркой протирает, еду носит...

Она. Как... вы... там... едите?

Голос. Значит, если человек под диваном, ему есть не надо? Вы, значит, на диванах, обжирайтесь, а мы, под диванами, с голоду помирай? Дудки! Долой социальную несправедливость! Все люди равны – на диванах и под диванами!

Она. Ха-ха-ха...

Голос. Какой смех у тебя... Колокольчик!

Она. Надтреснутый. (*Хохочет.*) Бог не дал мне ни ума, ни внешности, но дал смех! Я очень смешливая... И этого оказалось достаточно: я всегда пользовалась успехом у мужчин. Любой скучный идиот сразу ощущал себя со мной великолепным остроумцем!..

Голос. Все, старуха! Норму пребывания в гостях ты перевыполнила! Катись репкой отсюда! Федя будет философствовать.

Она не двигается.

По-моему, ты оглохла?

Она (*подумав*). Я остаюсь здесь, пожалуй.

Голос. Как? Ты что, ведьма?

Она. У меня условный рефлекс. Если мне что-то приказывают – я поступаю наоборот...

Голос (*угрожающе*). Старуха!

Она. Я никогда не умела подчиняться... У собаки есть хозяин, у волка есть Бог! Ха-ха-ха! Я – остаюсь.

Голос. Уходи, старуха, подобру-поздорову!

Она. Ни за что! Мне тут нравится: деревья, рояль – я так соскучилась по музыке! Я – остаюсь.

Голос. Ох, как я сейчас буду страшен!

Она. Ох, как мне хочется это увидеть!

Голос (*оглушительно*). Учти, я – сумасшедший!

Она. Тоже, напугал! Все мои мужья называли меня «сумасшедшей»... Значит, нас здесь будет двое – сумасшедших!

Голос. Учти, я – по правде... Я – эпилептик. Как все гении. Как Достоевский Федя. Я так задрожу, я такую конвульсию выдам!

Она. Ну и дрожите! На здоровье! Тоже – событие! Надо спокойней относиться к таким вещам. Например, Август Стриндберг... это великий драматург... весьма бытово относился к этим делам. Он вежливо говорил своим гостям: «Простите, господа, я вас покидаю, у меня в два – конвульсия...» Ха-ха-ха!

Голос. Он был их эпилептик, а я – наш... Если я задрожу – я тебя в ключья разнесу!

Она. Не знаю, не знаю... Пока вы только угрожаете – а дел никаких!

Голос. Ну что ж... Я покажу сейчас – как я гоню из моей комнаты... Тебя обслужить по первому разряду, старуха?

Она. Уж пожалуйста, в самом полном объеме, уж вы постарайтесь! Напоминаю: смертью вы меня уже путали, сумасшествием – тоже.

Голос. Ничего, у меня есть кое-что в запасе. Итак, я начинаю говорить правду...

Она. Очень интересно. Например?

Голос. Например: что это, старая карга, нарумянилась, платье новое надела – небось на свиданку со смертью собралась? (*Хохочет.*) Как?

Она. Ну просто «кайф», как вы говорите!

Голос. А со старичками я еще «кайфовой». Ишь, говорю, старый хрен, мне санитарка все про тебя донесла. Как ты больным притворялся и довести попросил, а сам ее за плечики все норовил ухватить! Я тебя насквозь вижу, сексуальный маньяк! Хо-хо-хо!

Она. Здорово вы научились оскорблять людей. Но знаете, я работала в театре, и я знавала таких мастеров этого дела – теперь мою шкуру кочергой не оцарапать!

Голос (*вдруг свистит. Потом орет через мегафон, оглушительный вопль*). Громи старуху! Громи-и-и! Ату ее! Ату!

Она. Как?... И это – все?

Голос (*сконфуженно*). Нет, есть еще секретное оружие – мат. Я мат очень люблю – он речь сокращает! Скажу сейчас одно слово — на три веселые буквы...

Она (*сухо*). Не успеете! (*Идет в угол.*)

Голос. Ты что?... Ты куда?..

Она (*нежно*). Здесь хлорка в углу стоит... Санитарка-курица ее оставила... (*Остановилась.*)

Голос (*в ужасе*). Ты что?

Она. Именно! Я буду поливать вас – сверху. (*Вдруг бешено.*) Я выкурю тебя, как таракана! Я уничтожу! Я...

Голос. Не надо! Не смей! Не надо!

Она (*опять нежно*). По-моему, вы сдались? (*Вдруг вложила два пальца в рот, оглушительно свистит, орет.*) Победа! Победа! Победа!

Голос. Ведьма! Ведьма! Ведьма!

Она (*вновь нежно*). Я – актриса, поверьте, это хуже! Итак, комната – моя! (*Идет к эстраде.*)

Голос. Ты что задумала?... (*Стонет.*) Ты идешь к роялю?

Она. Ну, в яблочко!

Голос. Ты собираешься мучать слух пожилого джентльмена под диваном?

Она. Ну, все точно! (*Садится у рояля. Кладет свою книгу на рояль.*)

Голос (*орет*). Не смей!.. Не надо! Умоляю! Если тебе так приспичило играть – точно такой рояль стоит в большой гостиной, я объясню дорогу!

Она. Никаких больших гостиных! Я провела слишком много лет на людях! И меня здесь особенно прельщает, что единственная физиономия в комнате находится под диваном!.. Ха-ха-ха!

Голос. Не дам! (*Почти плача.*) Ну почему? Ну за что?.. Как я хорошо жил!..

Она. «Мы были на бале... на бале...» Сегодня у меня особый день. (*Тщательно пытается открыть крышку рояля.*) И я должна себе сделать подарок... (*Крышка не открывается; гомерический хохот через мегафон.*)

Голос. Ну и как – сыграла, старуха?.. Он заперт! С тех пор как я захватил гостиную... Хо-хо-хо!

Она (*бормочет*). Боже мой, значит, это и есть тот самый «драгоценный рояль» – «который заперт и ключ от которого потерян»?.. Как я любила эту фразу из «Трех сестер».

Голос. Что ты там бормочешь?

Она (*не отвечая, бормочет, поглаживая закрытую крышку*). Первая роль... Жизнь была как беспредельное поле... освещенное солнцем. И вот теперь оглядываюсь назад – и понимаю: жизнь – это очень узкая полоска... и в тени... Может быть, это оттого, что к старости столько забываешь?.. Сон... Сон! (*Она замолкает и недвижимо сидит у рояля.*)

Голос. Ты что там колдуешь?

Она. Я слушаю, не мешайте!

Голос. Тоже – «ку-ку»? Что ты слушаешь?!

Она (*вдруг яростно*). Музыка, сукин сын! (*Бешено.*) У меня в доме живет такой же негодяй, он бьет в стену, когда я играю... И я научилась слушать музыку про себя! (*Молчание, она слушает.*)

Голос (*ворчит*). Ах, не смейте ей мешать слушать музыку про себя... Ах, у нее сегодня особый день... Хо-хо. Что же это за такой день, старуха? Наверное, день твоего рождения? Я угадал? (*Молчание – она все сидит, положив руку на крышку рояля, и слушает.*) И они сдали тебя сюда – в такой день?.. Вместо того чтобы усадить тебя в центре стола и сюсюкающими голосами восклицать: «Ах, посмотрите на нашу бабулю!.. Сколько ей лет? Шестнадцать! За самую молодую среди нас...» Здесь поднимаешься ты, хрустя суставами...

Она. Убью! (*С неожиданной силой швыряет книгу под диван.*)

Голос (*вопит*). АРА.

Она (*яростно*). Попала! И молчать!!!

Голос замолкает. Она все сидит у рояля, слушает музыку, очевидно с чем-то для нее связанную. Наконец Она поднимает голову и встает со стула.

Голос. Концерт окончен? Бис! Bravo! Брависсимо! Что мы слушали?

Она (*примирительно*). «Ноктюрн» Шопена... Верните, пожалуйста, книгу!

Голос. Кстати, а что это за книга? (*В мегафон слышен шелест страниц, затем потрясенный шепот.*) Боже мой!.. Боже мой!.. (*Необычайно взволнованно.*) И ты преспокойно слушала какую-то музыку, швырнув в меня эту книгу?! Ты хоть знаешь, что ты швырнула?

Она. Отдайте книгу!

Голос (*стонет*). Это – «Игрок» Феди Достоевского! Самая мистичная Федина книга!.. И ты ее – как камень... в меня?! В Федю! Креста на тебе нет, старуха!

Она. Стало быть, вы – Федя?

Голос. Это он... который ее написал... И это я, в которого ты швырнула...

Она. Да, это был не лучший мой жест. Пусть простят меня оба Федя... Верните книгу!.. Ее положили мне мои дети... Я люблю этот роман.

Голос (*вопит*). Что? Что ты сказала?! Ты любишь? Правда, старуха?.. Это все меняет! (Кричит.) Все может быть спасено!

Она. Послушайте, вы вернете книгу? (*Идет к дивану.*)

Голос (*вопит*). Санитарная зона! Не смей!.. Сейчас верну... (*Нежно.*) Только подержу ее в руках чуток!.. Ах, как я люблю это издание... (*Бормочет.*) Это сразу же после моей смерти... Гляди, здесь надпись дарственная! Ишь ты – подарил... Станиславский?! Ну, ты даешь! А может, ты какая знаменитость? Нет, если бы ты была знаменитость, тебя не сдали бы в этот забытый Богом дом!

Она решительно направляется к дивану.

Сам! Сам!

Из-под дивана навстречу Актрисе летит по полу книга. Она не без труда наклоняется, долго поднимает.

А в общем, будь ты хоть разнаменитой – все равно тебя не знаю... Я по вашим театрам не хожу, я в пивбар хожу. (*Вдруг шепотом.*) Но какой, однако, пасьянс получился? Ты – Актриса, ты любишь Федю, ты принесла с собой роман «Игрок», тот самый мистический роман, о котором я мучительно философствовал все это время! Боже, я сейчас сообразил, почему не разодрал тебя в клочья, почему позволил надругаться над моей комнатой. (*Шепчет.*) Я тебя предчувствовал, старуха!.. Я все важное всегда предчувствую... Однажды я... то есть он, Достоевский Федя... так написал об этом: «Я в каком-то ожидании чего-то... Я как будто болен теперь. И кажется, со мною должно случиться что-то очень решительное – может быть, тихое, может быть, грозное. Во всяком случае – неизбежное».

Она. Как? Вы это... наизусть?

Голос (*странно*). Я всего Федю... могу наизусть... (*Помолчав.*) Как хорошо, что твои дети засунули тебя в этот дом!

Она (*бешено*). Да что ж вы повторяете, как попугай! Просто тупица какой-то!.. Меня никто никуда не засовывал, ясно?

Наступает молчание.

Ну что вы там притихли?.. Я не хотела на вас кричать!.. Я могу вам все объяснить, перед тем как уйду... в эту... ну, в эту...

Голос (*насмешливо*). Ну, в какую?

Она (*беспомощно*). Ну?..

Голос (*великодушно*). В двадцать первую!

Она. Вот именно – в двадцать первую комнату! Мои дети уехали отдыхать на юг. Они пятый год без отпуска. И я сама настояла! Они отбыли всего на неделю! А так как директор этого дома – наш знакомый, я решила обождать детей здесь. Вот и все! Всего неделю!

Голос. А почему бы тебе, старуха, не обождать их всего неделю в вашей уютной квартире?

Она (*неловко*). Я забываю выключать электрическую плиту на кухне... Все помню, но эта ужасная плита... Что делать – я всегда забывала то, что меня не очень интересует. Ха-ха-ха... И еще... Я постоянно падаю на улицах.

Голос. Здорово! Надеюсь, в лужи падаешь?

Она. Ни за что! Я плюхаюсь только насушу... Вдруг головка томно кружится – и... Я так часто падаю, что называю себя «падшая женщина». Ха-ха-ха... Ну не могут же они отдыхать и все время беспокоиться? Ну, ладно... Я устала... Я пошла?

Голос. Ни за что, старуха! (*Торжественно.*) Сейчас я сообщу тебе мистическое!.. Но сначала... Мы должны узнать друг о друге поподробнее... Кстати, у нас с тобой много общего. Я тоже часто плюхаюсь на улицах... когда мне морду бьют! Хо-хо-хо! Как раз на днях отлупили!

Она. Какие ужасы вы рассказываете, Федя!

Голос. Нормалек! Потому я – тут! Я всегда, как избьют меня до полусмерти, сюда ползу! Как в берлоге – отлеживаюсь! Да, кстати: ты здесь всего на неделю? Отдай мне свою дополнительную подушку... А то есть закон Архимеда: чем больше избита морда, тем выше она лежать должна! Хо-хо-хо!

Она. Ха-ха-ха! Я принесу вам мою вторую подушку, драчун! И это в нашем-то возрасте – драться! Ах, как мне это в вас нравится! Я считаю: главное нам – не сдаваться! Любой ценой!

Голос. Никогда!

Она. Ни за что!

Голос. Мне приходится драться все время... Я – гений, мне за картины тыщи платят! И вот они – чтобы бороться с культом моей личности – и бьют меня.

Она. Кто – «они»?

Голос. Реалисты!.. Нет, реалисты били раньше, когда я был абстракционистом. А теперь я стал реалистом – и теперь меня бьют... Кто?

Она. Абстракционисты? Ха-ха!

Голос. Хо-хо-хо! В этот раз дело было, точнее, било так. Иду я мимо «Гастронома»... А оттуда – шасть реалисты... то есть, пардон, абстракционисты... Ау меня как раз в кармане – тыща сотнями, я ее за портрет отхватил... Спрашивают: «Есть деньги?» Я: «Нету». Они идут рядом. Я понимаю: сейчас обыщут – найдут деньги, избьют... И вот, пока мы шли, я так незаметно, незаметно все деньги по сотне и выбросил. Хо-хо-хо! Повезло! И вот тогда-то я им глаза открыл на их живопись! Тут взяли они меня за грудки...

Она. Нет, определенно мне все это очень нравится! Но ведь они вас когда-нибудь убьют!

Голос. Ну что ты, старуха! Если бы хотели – давно убили. А они только бьют, чтобы я падалью себя чувствовал, чтобы падучая моя повторялась... Помнишь, как Федя описал: «Падучая приходит мгновенно. В это время вдруг искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом, всеми чертами... Страшный, невообразимый, ни на что не похожий вопль вырывается из груди – и в этом вопле исчезает все человеческое...»

Она. Как? Вы опять... наизусть?

Голос (*не отвечая*). Но сейчас... Сейчас ее быть не может – потому что у меня к тебе мистическое дело... Все душевные силы мои устремлены на это дело. Итак, старуха, смогла бы ты сыграть?

Она. То есть как? Что... сыграть?

Голос (*торжественно*). Смогла бы ты сыграть роль?

Она. Ха-ха-ха... Ну что вы, я давно ушла со сцены... С ролями покончено, друг мой.

Голос. Соврала! Как можно покончить с тем, для чего родился? Разве я могу перестать рисовать?.. Я как увижу красивое – непременно нарисую, чтобы восторг свой небу явить. А некрасивое – ни за что! Я – Федя, певец красоты... Вот санитарка меня просит: «Нарисуй!» – «Не могу, – отвечаю, – я красавиц только рисую, а ты молодая, сияющая, но не красавица». А вот ты, старуха, – красавица!

Она. Это вы из-под дивана рассмотрели?

Голос. Да-да, по ногам! Я все по ногам определяю: и характер, и лицо... и даже прическу...

Она. Вы просто палеонтолог какой-то!

Голос. Среди людей красивые – редки. Вот среди животных – навалом красавцев! На днях я рисовал пуделя: нос бликует, язык алеет, шерсть – антрацит! И весь он – просто сложный красавец! Только чтобы рисовать, мне изучить надо. Я тебя за месяц изучу!

Она. А, у вас тоже плохо с памятью... Я говорила: я здесь всего на неделю!

Голос. И через месяца полтора – твой портрет готов...

Она. Да что ж вы – оглохли? Я через неделю – тью-тью!

Голос. Странно, я всегда чувствую, что будет. Я гений, старуха! Ничего, что я зову тебя старухой?

Она. Мне необходимо как можно чаще это слышать... А то я опасно забываю свой возраст. «Старайся рано постареть, если хочешь долго прожить». Я очень хочу! В молодости я часто не хотела жить! Как я была безнадежно стара в девятнадцать лет! Всю жизнь я куда-то спешила, спешила! Я не представляла свою комнату без раскрытого чемодана. И вот чемодан закрыт, жизнь прошла, а у меня ощущение радостного покоя... Жажда жить, будто я только-только начинаю! Очень много надо прожить, чтобы стать молодой... Ха-ха-ха!

Голос. Я так ясно увидел сейчас – как ты играла красавиц!

Она. Я играла влюбленных девушек с задыхающимися голосами. Они торопили жизнь, они были полны энтузиазма, как время!.. Сколько девушек по улице ходили с моей челкой, в моей беретке, в моих спортивных тапочках... И когда я не смогла все это носить, чтобы не быть смешной, я ушла... Старый соловей – в этом уже противоречие! Ха-ха-ха!

Голос. Жаль, что ты в кино не снималась! Я все кино смотрю, и новые, и старые, а тебя не видел.

Она. Я презираю кино... Может быть, потому, что была при его рождении... Для меня кино – это промышленное выращивание жемчуга! Ха-ха-ха!

Голос. И тебя никогда не хотели снимать?

Она (*гордо*). Всегда хотели. Я отказалась от тыщи ролей. Но они не унимаются до сих пор! Им не терпится предъявить миру мое изношенное лицо... Но я умею дать отпор... В последний раз один особенно назойливый негодяй спросил по телефону, не хочу ли я играть в его картине «Чайковский». Я ответила: «Я Чайковского играю только на рояле». Ха-ха-ха!

Голос. И ты никогда не пыталась вернуться на сцену? За все эти годы?

Она. Та... «вечно юная» умерла вместе со своим знаменитым голосом и псевдонимом. И со своим временем. Осталась я, со своей настоящей и, слава Богу, никому не известной фамилией... Я надеялась, что они забыли меня за четверть века... Но сейчас в моде «ретро»... И предприимчивые прохиндеи, как мухи, кружатся надо мной... В эту игру они включили даже моих наивных детей... Недавно я болела – и дети подослали мне старого врача... Старый врач должен был породить во мне ностальгию по сцене. Он сделал вид, будто не знает, кто я. «Ах, как меня тревожит ваш голос и смех, – сказал он, приникая стетоскопом к моей увядшей груди. – Ах, как вы напоминаете мне мою любимую актрису... И куда она только делась?» И вот тут я схватила его зубами за ухо...

Голос. Хо-хо-хо!

Она. Когда я отпустила – как он бежал! Ха-ха!.. Послушайте, какого черта я болтаю с вами на эти банальные темы, а? Наверное, потому, что вас не вижу! Ха-ха! Как это все скучно! Какое счастье, что с той жизнью – покончено! Сегодня ночью я прошусь с последней привычкой из той жизни – всегда засыпать только в своей постели... Поверьте, соблюдать ее было нелегко... Но скольких искушений я избежала! Как говорил мой учитель: «Если хочешь разбить благонамеренное буржуазное искусство – веди жизнь благонамеренного буржуа». Ха-ха-ха! Черт возьми, сегодня я – как юная девушка, которая в первый раз гото-

вится не ночевать дома. Ха-ха-ха! В честь этого события я и сделала себе подарок – «Ноктюрн» Шопена... А все-таки, почему я с вами столько болтаю? Может, голос из-под дивана напоминает Страшный суд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.